

Ежегодник Японии 2024. Т. 53. С. 183–209

Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 183–209

DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-183-209

Страна Япония в «Записках о чудесах Лотосовой сутры»

Н. Н. Трубникова

Аннотация

«Записки о чудесах Лотосовой сутры в великой стране Японии» (*Дайнихонкоку Хоккэжэ: гэнки*, 1040-е гг.), обсуждая различные способы почитания важнейшей книги буддийского канона, дают в то же время своеобразную картину Японии середины эпохи Хэйан. «Страна Япония» как место свершения дел, предсказанных в сутре, упоминается в репликах персонажей, смотрящих на страну извне: из Китая, с Корейского полуострова, из мира богов, с Темной дороги, где вершится суд над умершими. Повествователь говорит о Японии в целом, когда отмечает начало новых для страны, но известных в остальном мире обыкновений, восходящих к «Лотосовой сутре». От других хэйанских текстов *Хоккэ гэнки* отличается более широким географическим охватом, хотя описания местных традиций, связанных с сутрой, здесь еще нет. Внимание рассказчика сосредоточено на горе Хизэй близ столицы, где монахи школы Тэндай изучают сутру, а также на знаменитых горах и святилищах, где принято совместное почитание богов и будд. При этом почитание гор Кумано и Митакэ уже выглядит как общеизвестное, а пещеры Атаго близ столицы, «адская долина» в горах Татияма в краю Эттю: и горы в краю Хо:ки описаны так, как если бы их святыни были еще мало кому знакомы. Многие рассказы соотносены с путями паломничества, опасными, но обещающими удивительные встречи; цель паломника выглядит не как прохождение пути, предписанного в сутре, но как донесение ее учения (о способности каждого существа стать буддой) до как можно большего числа обитателей страны.

Ключевые слова: рассказы *сэцува*, *Хоккэ гэнки*, Лотосовая сутра, буддийские традиции Японии, горное подвижничество *сюгэндо*?, боги *ками*.

Автор

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ: Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6784-1793

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Country of Japan in *Dainihonkoku Hokkekyō Genki*

N. N. Trubnikova

Annotation

Dainihonkoku Hokkekyō Genki (Records of the Miracles of the Lotus Sūtra in the Great Country of Japan, 1040s), discussing various ways of venerating the most important book of the Buddhist canon, at the same time gives a unique picture of Japan in the mid-Heian era. The ‘Country of Japan’ as the place of accomplishment of the deeds predicted in the Sūtra is mentioned in the remarks of the characters looking at the country from the outside: from China, from the Korean Peninsula, from the world of the gods, from the Dark Road, where judgment is carried out on the dead. The narrator speaks about ‘Japan’ when he notes the beginning of customs new to the country, but known to the rest of the world, dating back to the Lotus Sūtra.

The *Hokke Genki* differs from other Heian texts in its broader geographical coverage, although there is no description of local traditions associated with the Sūtra. The narrator’s attention is focused on Mount Hiei near the capital, where the monks of the Tendai school study the Sūtra, as well as on the famous mountains and shrines where the common veneration of gods and Buddhas is customary. At the same time, the veneration of the Kumano and Mitake mountains already looks well-known, and the Atago caves near the capital, the “hell valley” in the Tachiyama Mountains in the Etchū region, and the mountains in the Hōki region are described as if their shrines were still only familiar to few people. Many stories are related to pilgrimage routes, dangerous but promising amazing encounters. The pilgrim’s goal does not seem to be walking the path prescribed in the Sūtra,

but rather conveying its teaching (about the ability of every being to become a Buddha) to as many inhabitants of the country as possible.

Key words: *setsuwa* tales, *Hokke Genki*, *Lotus Sūtra*, Buddhist traditions of Japan, *shugendō* mountain asceticism, *kami* deities.

Author

Trubnikova Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration: 82, Vernadsky av., Moscow, Russian Federation.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6784-1793

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

«Записки о чудесах Лотосовой сутры в великой стране Японии» (大日本国法華経験記, *Дай Нихон-коку Хоккэ-кё: гэнки*, кратко *Хоккэ гэнки*) – сборник в трех свитках, содержащий 129 поучительных рассказов 説話, *сэцува*, изложенных буддийским ученым слогом на *камбун* и объединенных темой почитания «Лотосовой сутры», она же «Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы»¹. Среди героев преобладают монахи, но есть и монахини, миряне, мирянки, животные и божества. В книге есть и развернутые жизнеописания приверженцев сутры, и краткие сообщения о подвижниках, известных всего одним-двумя чудесами. Кто-то посвятил долгие годы труда одной лишь «Лотосовой сутре», кто-то совмещал ее изучение с иными монашескими или мирскими занятиями, а кто-то лишь однажды столкнулся с нею – но эта встреча изменила его жизнь и посмертную участь. Чудеса, обсуждаемые в рассказах, все так или иначе исполняют предсказания сутры: ее приверженцы обретают поддержку в земных делах и в изучении ее самой, встречаются с буддами, бодхисаттвами, богами и другими могущественными помощниками, достигают долголетия, земного бессмертия либо благого посмертия. В конце каждого свитка помещено стихотворение, казалось бы, парадоксальное: оно величает

¹ 妙法蓮華経, *Мё:хо: рэнгэ кё:*, санскр. *Саддхарма-пундарика-сутра*, ТСД 9, № 262; ниже цитаты из сутры даны в переводе А. Н. Игнатовича по изданию [Сутра... 1998].

всех подвижников, кто «переписывает, читает про себя и вслух, разъясняет и толкует» сутру, а далее говорится: «Кто видит их и слышит, кто хвалит их и хулит, – все станут буддами». Это предсказание всеобщего освобождения – и для почитателей, и для гонителей, – восходит к самой сутре и мыслится как основа ее чудесных свойств: ее содержание важно для всех, и потому любые способы ее распространения дают огромные «заслуги» 功德, кудоку, позволяющие творить чудеса.

Сборник *Хоккэ гэнки* имеет предисловие, где указано, что составил его монах Тингэн 鎮源 в годы Тё:кю: 長久 (1040–1044 гг.). Многие рассказы восходят к более ранним сборникам *сэцува* – «Японским легендам о чудесах» (日本靈異記, *Нихон рё:ики*, рубеж VIII–IX вв.) и «Японским записям о возрождении в краю Высшей Радости» (日本往生極樂記, *Нихон о:дзё: Гокураку-ки*, 983–985 гг.); к записям о знаменитых монахах в летописях VIII–IX вв., к «Великому зеркалу» (大鏡, *Оокагами*, XI в.); возможно, к биографиям отдельных монахов 別伝, *бэцудэн*². Однако примерно половина героев в *Хоккэ гэнки* появляется впервые – и кроме рассказов Тингэна о них ничего не известно. В дальнейшем почти все истории из книги (114 из 129) в переложении с *камбун* на старояпонский язык входят в «Собрание стародавних повестей» (今昔物語集, *Кондзяку моногатари-сю:*, 1120-е гг.), а оттуда заимствуются в сборники *сэцува* XIII в. Позже снова на *камбун* многие рассказы появляются в «Буддийских записях годов Гэнко:» (元亨釈書, *Гэнко: сякусё*, XIV в.) и последующих сводах монашеских жизнеописаний.

Текст *Хоккэ гэнки* в современных изданиях основан на старопечатной книге 1717 г.³; сохранилось также несколько рукописей. Основным научным изданием служит книга [Ōjōden. Hokke genki 1995]. Избранные рассказы Тингэна перевел на русский язык А. Н. Мещеряков вместе с историями о чудесах из *Нихон рё:ики* и *Гокураку-ки* [Мещеряков 1984], эта подборка не раз переиздавалась. Обзор исследований памятника и его полный перевод помещены в сетевом препринте⁴.

² Датировка таких биографий по большей части сомнительна, но вероятно, некоторые из них уже были составлены к 1040-м гг.

³ *Дайнихонкоку Хоккэкё: гэнки*. <https://www.digital.archives.go.jp/das/meta/F100000000000040887.html>

⁴ Записки о чудесах Лотосовой сутры в великой стране Японии. Предисл., пер. со старояпонского и примечания. Н. Н. Трубниковой. https://88f4395e-9a7b-4477-bd7a-ccf73f736fa0.filesusr.com/ugd/47b776_3bbcca8ff1e546239c38eff13a61ccdc.pdf

В современном японоведении книга Тингэна изучается прежде всего в контексте одной из традиций японского буддизма – традиции «Цветка Закона» 法華, *Хоккэ*; в эпоху Хэйан она была особенно развита в школе Тэндай на горе Хиэй, но представлена также и в других школах, отражена в произведениях изящной словесности и в изобразительном искусстве; см.: [Tanabe, Tanabe 1989; Teiser, Stone 2009]. Мне бы хотелось рассмотреть *Хоккэ гэнки* с другой точки зрения: выяснить, какой предстает в книге Япония середины эпохи Хэйан. Насколько я знаю, к сборнику Тингэна почти не применялся метод подсчета и сравнения контекстов каких-либо элементов по всему тексту; обычно обсуждаются отдельные рассказы. Исключение – статья [Tsujimoto 2023] об именах богов *ками* в *Хоккэ гэнки*. Моя статья основана на подсчете топонимов в книге Тингэна и сопоставлении их контекстов.

В предисловии Тингэн задает очень широкий взгляд на мироздание – такой, как в «Лотосовой сутре»: «Когда находишь ее источник – обретаешь все, что условно или истинно в сотне миров и под тысячей условий». В эту картину входят все миры возможного перерождения, от адских «подземных темниц» до счастливых небес, к тому же рассмотренные под всеми возможными углами зрения. Далее обзор постепенно сужается до «поднебесной», населенной людьми. Тингэн упоминает Снеговые горы 雪嶺, Сэцурэй, то есть Гималаи (там Будда в одном из своих прежних рождений готов был отдать себя на съедение демону ради двух строк Закона, оставленного древними буддами) и китайский Цзянлин 江陵, где жил и трудился Чжи-и 智顗 (538–597) – основоположник учения школы Тяньтай, которой наследует японская Тэндай. Говоря о движении сутры по миру, рассказчик отмечает две вехи: Кумараджива 鳩摩羅什 (344–413), потомок индийских царей, «перевел ее на востоке» 東に訳して, *хигаси-ни якуситэ*, то есть в Китае, а затем царевич Сё:току 聖徳太子 (574–622) «запросил ее с запада» 西に請じて, *ниси-ни дзё:дзитэ*, опять-таки из Китая. Как относительно восток и запад, так относительно и все в непостоянном мире, и только сутра прокладывает «верную колею» 正軌, *сё:ки*.

Быть приверженцем «Лотосовой сутры» можно где угодно; как говорит один из них, «“Цветок Закона” мне отец и мать, на Чудесный Закон смотрю я как на учителя и старшего, Единую колесницу считаю своим домом, запреты и заповеди – своей защитой» (1–18). «Единая колесница» 一乗, *Итидзё:*, здесь – учение «Лотосовой

сутры», соединяющее в себе наставления всех «колесниц», всех направлений буддизма. Свое могущество сутра являет повсюду, и японские чудеса предстают в *Хоккэ гэнки* как частный случай мировых. Неудивительно, что в сборнике «записок о чудесах» Япония выглядит как место буддийского подвижничества; попробуем разобраться, какие ее черты важны с этой точки зрения.

Точное указание места действия рассказа – провинция, уезд, селение – в *Хоккэ гэнки* встречается только в рассказах, заимствованных из *Нихон рё:ики*. Значительно чаще здесь обозначены место рождения героя, храм, где он учился и жил, горы, где искал уединения, или дороги, по которым странствовал. Заглавиями рассказов у Тингэна обычно служат имена и/или краткие описания героев: «Великий учитель Дзикаку с горы Хизэй» (1–4), «Учитель Устава Муку:» (1–7), «Некий хранитель сутры в глубине гор Ёсино» (1–11) и т.п. Рассказов, где имена героев не названы, всего 28 из 129; рассказов без привязки к месту действия – 10 из 129⁵. Видимо, предания о чудотворцах – в самом деле бытовавшие в Японии в середине эпохи Хэйан или сочиненные по тому образцу, какими они, согласно книжной традиции, должны были быть, – место действия считают более важным, чем имена действующих лиц. В *Гокураку-ки* рассказы расположены по порядку от высокопоставленных героев к простым, и соответственно, от столицы к провинциям; в *Хоккэ гэнки* при той же общей схеме (монашествующие, потом миряне, мужчины, затем женщины) движение от центра к периферии не прослеживается. Похожие по сюжету рассказы (например, о том, как подвижники «Лотосовой сутры» состязались с приверженцами других сутр) то привязаны к месту действия (1–33, 2–48), то нет (1–17).

Страна Япония

Как и в *Нихон рё:ики* и в *Нихон о:дзё: Гокураку-ки*, слово «японские» в заглавии книги Тингэна указывает прежде всего на то, что составитель следует образцу одного или нескольких китайских сочинений и берется рассказать похожие истории, только из жизни своих соотечественников⁶. Для *Хоккэ гэнки*, согласно предисловию,

⁵ И из этих десяти шесть, судя по должностям героев, относятся к столице.

⁶ Для *Нихон рё:ики* образцами служат «Записки о загробном воздаянии» (冥報記, кит. Минбао-цзи, VII в., ТСД 51, № 2082) и «Собрание записок о чудесах Алмазной сутры»

примером для подражания служат «Записки о чудесах» учителя Закона Цзи 寂法師. Видимо, речь идет о монахе И-цзи 義寂 (919–987) и его «Записках о чудесах Цветка Закона» 法華驗記, кит. Фахуа-яньцзи (другие версии см.: [Kikuchi 2014, p. 67–68]).

В заглавии у Тингэна означена не просто «Япония» 日本, *Нихон*, а «великая страна Япония» 大日本国, *Дай Нихон-коку*. Впервые, насколько известно, это сочетание четырех знаков встречается в «Рассуждении, проясняющем заповеди» (顯戒論, *Кэнкай-рон*, 819–820 гг., ТСД 74, № 2376) – сочинении монаха Сайтё: 最澄 (767–822), основателя школы Тэндай; см.: [Трубникова 2006]. Возможно, заглавие сборника Тингэна отсылает к этому трактату или к другим сочинениям Сайтё, где страна поименована так же. Контекст для *Дай Нихон-коку* у Сайтё в «Рассуждении...» таков: «...в великой стране Японии раньше появились храмы Великой колесницы, а позднее – храмы совместного освоения [обеих колесниц]» (ТСД 74, № 2376, 589b). Вопрос заключается в том, какому изводу буддизма изначально следовала японская община: соединявшему в себе хинаяну и махаяну («Великую» и «Малую» колесницы) или же чисто махаянскому. Сайтё: доказывал, что японцам больше подходят не заповеди монашеского устава, соотносимые с хинаяной, а махаянские заповеди бодхисаттвы, нацеленные на милосердную заботу обо всех живых существах и исполнимые как для монаха, так и для мирянина.

«Страна Япония» 日本国, *Нихон-коку*, в *Хоккэ гэнки* упомянута 10 раз на 129 рассказов⁷. Рассмотрим контексты.

1. «Царевич Японии – воистину великий святой мудрец!» – говорит корейский учитель царевича Сё:току, узнав о кончине ученика (1–1). Выше в этом же рассказе другой мудрец, прибывший с Корейского полуострова, узнаёт в царевиче бодхисаттву Внимающего Звукам

о запредельной премудрости» (金剛般若集驗記, кит. Цзиньгуань баньжэ цзяньцзи, 718 г.); для *Гокураку-ки* – «Трактат о Чистой земле» (淨土論, кит. Цзинту-лунь, VII в. ТСД 47, № 1963) и «Заново выверенные предания о чудесном отклике на молитвы, о возрождении в Чистой земле в западной стороне» (往生西方淨土瑞應刪傳, кит. Ваншэн сифан Цзинту жуйин шаньчжуань, ТСД 51, № 2070). В обоих японских текстах эти китайские источники указаны в предисловиях.

⁷ Для сравнения: в *Нихон рё:ики* название страны встречается 15 раз на 116 рассказов, в *Кондзакю* – 48 раз на 698 рассказов о Японии (кроме них в сборнике есть истории об Индии и Китае); в «Собрании рассказов о пробуждении сердца» 発心集, *Хоссинсю:*, начала XIII в., дважды заходит речь о «Японии» и восемь раз – о «нашей стране» わが国, *вага кун*, на 102 рассказа.

Мира 觀世音, Кандзэон (о ком в «Лотосовой сутре» повествует глава XXV) и восклицает: «Ты передашь светильник [Закона] на восток, в страну, чьи острова подобны осыпавшимся зернам!». Сочетание 粟散, *дзокусан*, «осып зерен» (с колосьев проса, еще до жатвы), в японских текстах XII в. и позже будет звучать уничижительно, описывать Японию как маленькую дикую страну на краю света [Мещеряков 2012]. В сборнике Тингэна эти слова, скорее, подчеркивают величие задачи, предстоящей царевичу: просветить столь дальний край. *Дзокусан* часто выступает в паре с 辺土, *хэндо*, «окраинные земли», похожее выражение есть в *Хоккэ гэнки* в рассказе 2–43 – о монахе Дзицуине 実因 (945–1000): «Был он словно бы японским Катъяяной, Майтраянипутрой окраинных земель!» 日本の迦旃延、辺州の満慈子ならくのみ, *Нихон-но Касэннэн, хэнсю:-но Мандзиси нараку номи* (здесь Катъяяна и Майтраянипутра – ученики Будды).

2. «Ты близ материка Джамбудвипы в стране Японии хулил бодхисаттву Гё:ки, помышлял о нем с неприязнью. Поэтому сейчас я вызвал тебя, чтобы наказать и предостеречь!» – говорит судья мертвых, царь Яма 閻魔王, Эммао:, монаху Тико: 智光⁸, который завидовал главному герою рассказа, знаменитому монаху-страннику Гё:ки 行基 (668–749). Завистник недолгое время терпит муки ада, но затем возвращается к жизни и рассказывает, как побывал на Темной дороге 冥道, Мэйдо:, то есть в промежутке между смертью и новым рождением (1–2). Здесь островная страна отнесена к той же части света, Джамбудвипе 閻浮提, Эмбудай, где проповедовал Будда; связь островов с большой землей подчеркивается тем, что в этом рассказе в Японию прибывает гость даже не из Китая, а из самой Индии – и узнает в Гё:ки бодхисаттву Манджушри 文殊, Мондзю.

3. В примечании к этому же рассказу обсуждается вопрос, какое отношение Гё:ки имеет к «Лотосовой сутре» (в отличие от царевича Сё:току, о нем нет преданий, что он вел проповеди именно по ней). Повествователь пересказывает вещий сон, где было указано: «Бодхисаттва Гё:ки – первый в Японии хранитель “Цветка Закона”!», ибо в «Лотосовой сутре» в главе I говорится, что Манджушри хранит ее вечное учение с древнейших времен.

Итак, в Японии жило по меньшей мере двое бодхисаттв. Далее у Тингэна их список еще пополнится: бодхисаттвой люди будут вели-

⁸ Здесь и далее, если даты жизни не указаны, они неизвестны даже приблизительно.

чать монахиню Сяри (VIII в.) в рассказе 3–98, а еще четыре монаха (в рассказах 1–22, 1–38, 2–56, 2–71) в видениях предстанут в образе Всеобъемлющей Мудрости 普賢, Фугэн, заступника всех тех, кто почитает «Лотосовую сутру» (об этом бодхисаттве в ней говорится в главе XXVIII). Вообще же бодхисаттвы, а также боги, «небесные отроки» 天童, *тэндо*·, демоницы ракшасы 羅刹女, *расэцунэ*·, и другие персонажи сутры появляются в рассказах постоянно.

4. «Закон Будды в нашей стране ты, о наставник, исчерпаешь до конца, освоишь и перенесешь в Японию, передашь туда!» – говорят китайцы монаху Эннину, прибывшему к ним в поисках учения (1–4). Похожие слова слышит от китайского наставника и Сайтё: в рассказе 1–3, но там речь идет просто о «восточной стране».

5. «Я сегодня призвал тебя, о святой отшельник, хочу побудить тебя проповедовать, дать услышать живым существам во всей стране Японии о благе и зле, что создаются их деяниями», – говорит опять-таки царь Яма монаху Мё:дацу 妙達, призвав его на Темную дорогу и убеждая не просто читать сутру, но и толковать ее (1–8).

Во всех этих случаях «Японию» упоминают те, кто смотрит на страну извне: из иных стран или из-за пределов земного мира. Внешняя оценка остается важной не только в старинные времена, но и в пору, когда учение сутры уже утвердилось в Японии. Так, в рассказе о Гэнсине 源信 (942–1017) говорится, что его труды высоко ценил китайский император и что «люди прибывали к нам из Китая», чтобы почитать Гэнсина (3–83). Что же касается существ из иных миров – и подземных, и небесных – то каждое их явление, помимо прочего, подтверждает, что японские подвижники действуют правильно, согласно сутре.

6. «Это был первый в Японии подвижник, сжегший себя», – сообщает рассказчик о монахе О:сё: 応照, который совершил самосожжение по примеру бодхисаттвы Царя Врачевания 藥王, Якуо·, из главы XXIII «Лотосовой сутры» (1–9). Первый – но не единственный: так же поступят герои рассказов 1–15 и 2–47.

7. Монах Рэнтё: 蓮長 «ходил в паломничество к Митакэ, Кумано и другим знаменитым горам, в Сига, Хасэ и другие места, славные чудесами, у каждой горы и у каждого святого места поселялся на время и прочитывал “Сутру Чудесного Закона” тысячу раз. Он поклонился всем святым местам в стране Японии, и не было такого места, где он не прочел бы сутру тысячу раз» (2–60). Здесь вся

страна охватывается маршрутами паломничества, хотя, в отличие от более поздних сочинений, *Хоккэ гэнки* не проецирует на карту страны оглавление сутры, не соотносит конкретных местностей с фрагментами ее текста; ср.: [Grapard 1986].

8. «Когда ты читаешь сутру, дракон приходит и внимает Закону. Скажи дракону, чтобы пролил дождь! Если же ты на это не согласишься, немедленно отправлю тебя в изгнание, чтобы не смел жить в стране Японии», – говорит японский государь (неясно, какой) безымянному герою-монаху в рассказе 2–67. В других историях в *Хоккэ гэнки* тема изгнания не звучит.

9. «В стране Японии много хранителей “Цветка Закона”, но этот – первейший из них!» – говорит бог Сумиёси богу Мацуноо о монахе До:мё: 道命 (974–1020), знаменитом чтеце сутры (3–86). В каком-то смысле боги *ками* тоже вещают извне земного мира, но их связь со страной – особая, к ней я еще вернусь.

10. «Многие из жителей страны Японии, кто грешил, попадают в этот ад Татияма», – говорит повествователь, описывая «адскую долину» в горах провинции Эттю: (3–124). У японцев в их родной стране есть условия не только для совершенствования, но и для отбывания наказаний, более суровых, чем обычные кары в мире людей.

Никак нельзя сказать, что почитание «Лотосовой сутры» в *Хоккэ гэнки* ограничено школой, которую основал Сайтё:. Хотя бы по одному разу упомянуты шесть из семи главных храмов города Нара, процветавших уже в VIII веке⁹, – в них учились подвижники сутры, так что ее традиция старше школы Тэндай. «Горная школа» Тэндай также не противопоставляется мирской столице: город Хэйан и его ближние окрестности полны храмов, где изучается сутра¹⁰. Провинциальных храмов упомянуто три десятка, для трети из них местоположение точно не известно; чаще других говорится о храме Хасэ-дэра 長谷寺 в краю Ямато (1–26, 1–31, 2–60, 2–80), где почитают Внимающего Звукам.

⁹ Ганго:дзи 元興寺 (2–48, 2–58); Дайандзи 大安寺 (1–33); Ко:фукудзи 興福寺, он же Ямасина-дэра 山科寺 (2–41, 2–48); То:дайдзи 東大寺 (1–2, 1–16, 2–44); Хо:рю:дзи 法隆寺 (1–1, 2–59, 2–80); Якусидзи 薬師寺 (1–2); храма Сайдайдзи 西大寺, также относимого к великим храмам Нара, здесь нет, но есть Татибана-дэра 橘寺 (1–1).

¹⁰ Гё:гандзи 行願寺 (2–51); Гион 祇園 (2–61); Гокуракудзи 極楽寺 (3–120); Дайгодзи 醍醐寺 (1–31, 2–70); Дайнитидзи 大日寺 (3–120); Дзё:гандзи 貞観寺 (3–120); Дзё:хо:дзи 定法寺 (1–29); Киёмидзу-дэра 清水寺 (1–29, 3–92); Ко:рю:дзи 香隆寺 (2–76); Рокухарамидзу 六波羅蜜寺 (1–29, 1–37, 3–102); То:дзи 東寺 (2–41, 2–75); Токудайдзи 徳大寺 (1–34); Хо:риндзи 法輪寺 (3–86); Хоссё:дзи 法性寺 (1–19, 2–76).

Описание страны в целом и ее больших регионов требуется для рассказов о знаменитых странниках. Гё:ки «всюду, где находил места опасные, наводил мосты, прокладывал дороги. Где нужно было вспахать и засеять поля, наполнить водой каналы, он копал пруды, возводил плотины. Кто видел его и слышал, все приходили и помогали, не проходило дня – а работа уже была сделана. Народ и до сих пор пользуется теми благами. В землях вокруг столицы бодхисаттва устроил сорок девять Мест Пути, а кроме того, странствовал и по другим краям» (1–2). «Земли вокруг столицы» 機内, Кинай, – провинции Ямато, Ямасиро, Идзуми, Сэтцу и Кавати; о каких именно «Местах Пути» 道場, *до:дзё:*, обустроенных для буддийской проповеди, здесь говорится, неясно. Еще один рассказ (2–68), о страннике с похожим именем, я приведу полностью:

Шраману Гё:ку: в свете прозвали «гостем на одну ночь». Он был хранителем «Цветка Закона». За день прочитывал сутру шесть раз и за ночь шесть раз, итого за сутки – двенадцать раз, не пропуская ни дня. С тех пор как вышел из дому, вступил на Путь и пробудился сердцем, не имел постоянного пристанища, две ночи на одном месте не ночевал. Куда уж там – построить хижину и поселиться в ней! Даже тройного облачения и одной чаши у него не было – что уж и говорить про другое имущество! При себе он носил только весь «Цветок Закона». В пяти землях вокруг столицы и на семи дорогах не было такого места, где он не побывал, из шестидесяти с лишним краев – не было такого, которого он не повидал. Если в странствиях своих он сбивался с дороги, небесный отрок указывал ему путь. Если в безводных местах искал воду – небесная дева приносила воды. Когда болел, само собой являлось небесное лекарство, когда голодал – сладкий рис возникал перед ним. Силой Чудесного Закона ему постоянно являлись святые мудрецы, небожители и боги сопровождали его. А когда состарился, он отбыл в Западные края. Сравнялось ему девяносто лет, и он все читал «Сутру о Цветке Закона». За всю жизнь прочел ее больше трехсот тысяч раз. В последний час бодхисаттва Всеобъемлющая Мудрость оберегал его, Манджушри защищал, лотосы выросли под ногами, небесное одеяние окутало его, и он возродился в Чистой земле.

Монах Гё:ку: 行空 обозначен здесь как «шрамана» 沙門, *сямон*, что, собственно, и значит «монах», «странник». Он – «гость на одну ночь», 一宿, *иссюку*, у каждого гостеприимного хозяина «ночует

лишь единожды». Помимо *Кинай* в рассказе названы «семь дорог» 七道, *ситидо*: – семь больших регионов страны¹¹. Из них по числу упоминаний в *Хоккэ гэнки* первенствует То:сандо:. Из провинций на первом месте Ооми 近江国 на То:сандо: (1–3, 1–23, 1–24, 1–35, 2–51, 2–55, 2–72, 3–124), на втором – Харима 播磨国 на дороге Санъё:до: (1–1, 1–31, 1–40, 2–45, 2–47, 3–93, 3–114), на третьем – Митиноку (Муцу) 陸奥国 опять-таки на То:сандо: (1–12, 2–48, 2–54, 3–112, 3–113). Из всех провинций хотя бы по одному разу упомянуты сорок две (см. Карту), в девятнадцати названы также уезды, а в десяти – еще и храмы. Сравнительно мало обсуждаемые провинции вдоль дороги То:кайдо: обобщенно именуются «Восточными землями» 坂東, Бандо: (2–49, 3–82, 3–112). О провинциях острова Кю:сю: говорится гораздо больше, но и они порой появляются под собирательным названием «Западные края» 鎮西, Тиндзэй (2–66, 2–68, 2–73). Страна выглядит освоенной достаточно полно, хотя и неравномерно.

Особое внимание к краю Ооми неудивительно: это ближние и дальние окрестности горы Хиэй, из Ооми родом и Сайтё:, и многие монахи школы Тэндай. Край Митиноку в сборниках поучительных рассказов вообще упоминается чаще прочих, вероятно – как самый отдаленный, откуда вести доходят с трудом, но уж если доходят, то примечательные. При этом едва ли можно сказать, что истории, отнесенные к Митиноку, – самые сказочные. Что до края Харима, то на его примере можно попробовать выяснить, намечается ли в *Хоккэ гэнки* такое же отнесение схожих мотивов к одной провинции, какое порой бывает в *Кондзяку* [Бабкова, Трубникова 2024].

В Харима получает угодьё царевич Сё:току в награду за толкование сутр и отдает их в дар храму Хо:рю:дзи, одному из первых в стране (1–1). Монах из храма Дайгодзи выучил наизусть всю «Лотосовую сутру» кроме двух иероглифов из главы II. Он молится о том, чтобы узнать причину своей забывчивости, и бодхисаттва Внимающий Звукам сообщает ему: в прошлом рождении ты жил в краю Харима, читал сутру по ночам и нечаянно прожег в свитке дыру на месте этих двух знаков. Монах отправляется в Харима, встречает стариков, бывших его родителями в прежней жизни,

¹¹ Восточная приморская дорога 東海道, То:кайдо:, Восточная горная дорога 東山道, То:сандо:; Северная материковая дорога 北陸道, Хокурукудо:; Дорога по темной стороне гор 山陰道, Санъиндо:; Дорога по светлой стороне гор 山陽道, Санъё:до:; Южная приморская дорога 南海道, Нанкайдо:; Западная приморская дорога 西海道, Сайкайдо:.

восстанавливает поврежденный свиток и после этого запоминает сутру полностью. «В нынешней жизни у него стало целых четверо родителей, он воздавал им за милость, почтительно заботился» (1–31). Отшельник в горах края Харима едва не погиб, когда его хижина рухнула, но некий бог вызволил его из-под обломков. В благодарность за свое спасение отшельник устраивает на речном берегу большой обряд для окрестных жителей и молится, чтобы увидеть чудесный «знак» 瑞, *сируси*, – узнать, поможет ли ему это деяние возродиться в Чистой земле. «Обряд закончился, люди разошлись. А назавтра кто-то шел мимо и увидел: у берега, где устраивали обряд, выросли белые лотосы, и были их сотни, тысячи...» (1–40). В Харима на горе Сёся 書写山 долгие годы обитает знаменитый монах Сё:ку: 性空 (ум. 1002 или 1007) из знатного рода Татибана; чудесные помощники снабжают его всем надобным. «Он довел до совершенства собственное подвижничество, и чтобы обратить других, вышел с дальних гор, поселился среди людей», нашел множество новых учеников, монахов и мирян (2–45). В Харима на горе Юкихико

雪彦山 другой отшельник, из рода Тайра, живет, довольствуясь совсем малым и читая сутру. Перед смертью он посещает друзей, монахов и мирян, и говорит им: «В этой жизни вижусь с вами в последний раз. Завтра или послезавтра я отбуду в пределы Чистой земли. В следующий раз надеюсь встретиться с вами в мире истинной сути!» (2–74). Некий монах не способен выучить два из восьми свитков сутры; он предается суровому подвижничеству, чтобы узнать причину, и в вешем сне узнает, что был когда-то ядовитой змеей, жил в краю Харима в уезде Акахо 赤穂 на постоянном дворе, слышал однажды, как путник читал сутру, нападать на чтеца не стал, смог потом возродиться человеком, но всей сутры тогда не слышал – вот и теперь сумел ее выучить лишь частично. Проснувшись, монах выучивает сутру и становится могучим чудотворцем (3–93). В том же уезде Акахо жители ловят шайку разбойников и пытаются одного из них казнить, расстреляв из луков, но стрелы не попадают в него; выясняется, что разбойник читал бодхисаттву Внимающего Звукам, и бодхисаттва вместо него принял стрелы в свое тело. Разбойника простили, «он стал стражником в том краю, имя ему дали Татадзумаро:, Неуязвимый» (3–114).

Все мотивы, звучащие здесь, в том числе неуспех при изучении сутры по причинам, коренящимся в прошлой жизни, и «подмена тела» 身代り, *мигавари* (когда бодхисаттва принимает на себя страдания человека), в *Хоккэ гэнки* встречаются и в других рассказах и связываются с другими местностями. На мой взгляд, выделить по этой подборке местную традицию почитания «Лотосовой сутры» – или какую-либо еще традицию края Харима – невозможно¹², но можно сказать, что в подборке, отнесенной к Харима, более явно, чем в книге в целом, просматривается тема дящейся благодарности, «воздаяния за милость» 報恩, *хо:он*. Чудеса заслужены почитанием сутры и другими праведными делами, но за чудесами следуют новые благие дела; порой, как в рассказе 2–74, чудеса и вовсе не нужны, но за свою спокойную жизнь в уединении герой воздает людям, ободряя их.

Иначе обстоит дело с другими местами горного подвижничества: они уже выглядят как места со сложившимися или становящимися традициями.

¹² Такая традиция позже будет связана в основном с горой Сёся <https://www.shosha.or.jp/>

Знаменитые горы

В «Лотосовой сутре» в главе X («Учитель Дхармы») Будда говорит: «Если человек, проповедующий Дхарму, пребывая в одиночестве, в пустынном или закрытом месте, где царит покой и не слышно человеческих голосов, будет читать про себя и читать нараспев эту сутру, я покажу ему мое чистейшее сияющее тело» (ТСД 9, № 262, 32b). Уильям Дил, один из первых исследователей *Хоккэ гэнки* за пределами Японии, указывает, что в книге Тингэна подвижники, которые стремятся следовать примеру бодхисаттв, чаще выбирают уединение, лишь немногие действуют среди людей [Deal 1993, p. 274–275]. Отшельничество не мешает приносить пользу живым существам: в горах чтеца сутры слышат звери и боги, да и само по себе чтение сутры дает заслуги, которые подвижник обращает на пользу всем.

Сайтё:, основатель школы Тэндай, «...глубоко постиг непостоянство, и досадуя, что Закон пребывает в упадке, обратил помыслы к Великой колеснице, а сам укрылся в горном лесу. Он поднялся на вершину Хиэй, из трав сплел себе хижину. Чтобы в мире дхарм отдать четыре долга¹³, каждый день читал-вращал “Цветок Закона” и другие сутры Великой колесницы, упражнялся в сосредоточении-*самадхи* четырех видов¹⁴» (1–3). По самоназванию Тэндай и в дальнейшем остается «горной школой». И все же Хиэй в *Хоккэ гэнки* – весьма населенное место; отдельные строения на Хиэй упоминаются в большем числе контекстов, чем храмы и иные сооружения столицы или города Нара¹⁵. С каждой пагодой, молельней, кельей на Хиэй связано одно из подразделений Тэндай, и принадлежность к нему служит важной

¹³ Перед отцом, матерью, Буддой и учителем (или: перед родителями, учителями, всеми живыми существами и Тремя Сокровищами: Буддой, законом и общиной).

¹⁴ Сидя, на ходу, при чередовании хождения и сидения и без хождения и сидения (например, при уборке храма).

¹⁵ Келья Бё:до:бо: 平等坊 (1–6); пагода Ёкава 横川 (2–53, 3–83); главных храмовый зал Компон-тё:до: 根本中堂 (1–3, 1–24, 1–36, 2–64); храм Миидэра у подножия Хиэй 三井寺 (2–54, 2–62), он же Ондзё:дзи 園寺 (2–62); башня Мондзюро: 文殊楼 (1–4); храм Мудо:дзи 無動寺 (1–5, 3–94); молельня [Сю:]рё:гон-ин 楞嚴院 (1–4, 2–51, 2–53, 3–83, 3–100); Западная пагода Сайто: 西塔 (1–6, 1–20, 1–25, 1–39, 2–43, 2–44, 2–50, 2–52, 2–63, 2–71); молельня Сэндзюин 千手院 (1–22, 2–64); зал Сякадо: 釈迦堂 (1–20, 1–25); молельня Тикурин-ин 竹林院 (2–42); Восточная пагода То:то: 東塔 (1–11, 1–13, 1–22); молельня То:ин 唐院 (1–4); молельня Тю:до:ин 中道院 (1–3); зал Хоккэ-дзаммайдо: 法華三昧堂 (1–3). Пагоды, храмы и молельни в основном упоминаются в составе характеристики героя, как подразделения школы; залы – как места подвижничества.

характеристикой героя-монаха; сам Тингэн в предисловии представляется как монах из молельни Преодоления 首楞嚴院, Сю:рё:гон-ин, – значит, наследник Эннина и Гэнсина.

Иногда, чтобы сделаться настоящим отшельником, с горы Хиэй надо уйти (2–53); порой монахи по окончании учебы на Хиэй возвращаются в родные края или переселяются в столицу, но сохраняют верность сутре (1–23, 2–52, 2–62). Обряд «кругового обхода» горы Хиэй 回報行, *kaiho:gē*., при котором подвижник в сосредоточении обходит все важнейшие места на горе в определенном порядке [Rhodes 1987], в *Хоккэ гэнки* не упомянут, хотя о монахе Со:о: 相応 (831–918), ученике Эннина и основателе этого обряда, рассказ есть (1–5). Однако в рассказе 2–51 монах Кё:мё: 境妙 совершает похожее странствие: «Когда понял, что жизнь его подходит к концу, Кё:мё: поднялся на гору Хиэй, обошел все ее залы и пагоды, все следы мудрецов, и поклонился им, встретился со старыми братьями, товарищами по учебе, по-дружески побеседовал с ними, со всеми обменялся благоуханными словами».

Примечательна еще одна роль топографического описания горы Хиэй. В снах и видениях герои *Хоккэ гэнки* несколько раз видят итоги своих трудов как огромное число «драгоценных пагод» 宝塔, *хо:то:*., заполненных свитками сутры: «От вершины горы и до Мидзуноми сложены свитки сутры, которые ты прочел, пока жил при Западной пагоде. А от Мидзуноми до Какинокиномото сложены сутры, что ты прочел, живя в храме Хоссё:дзи» – сообщает во сне некий старец усердному чтецу сутры (1–19). Здесь Какинокиномото – начало подъема на гору Хиэй, Мидзуноми – его середина. В сутре в главе XI описано «видение драгоценной пагоды»: в ней восседает древний будда, который свидетельствует, что Шакьямуни был Буддой всегда; похожие картины в вещих снах дают заслугам людей особенно надежное подтверждение. Иногда монахи просто видят пагоды со свитками на Хиэй (1–23, как раз тот из героев, кто гору покинул), иногда – ряды пагод не на земле, а вдоль Темной дороги (1–32). Порой видение показывает, что обретенные заслуги можно утратить: когда монах поддается гневу, огонь сжигает пагоды (1–19, 1–32).

В рассказе 3–118 мирянка видит и потом описывает подобие большого земного храма, только еще прекраснее: «В том храме зал для чтений, золотой зал, книгохранилище, звонница, драгоценная пагода, драгоценные стяги, кельи, надвратная башня, очень много разных

построек и все роскошно украшены, воистину чудесны! И в них бодхисаттвы, толпа святых в небесных венцах, в небесных одеждах, в прекрасных ожерельях, облачены по всем правилам, почтенные пожилые добродетельные шраманы, мудрые отшельники...». В одном из залов женщина видит свитки – их столько, сколько раз она прочла сутру. Что это за место, из рассказа неясно, но подвижнице там является Будда Шакьямуни, так что можно предположить, что это – Святая Орлиная гора, Гридхракута 靈鷲山, Рё:дзюсэ, где была проповедана «Лотосовая сутра». Чистая земля будды Амитабхи (阿彌陀, Амида) в *Гокураку-ки* и других японских источниках больше похожа на сад с деревьями и лotosовыми прудами, небо Тушита 兜率天 (Тосоцутэн), где пребывает будущий будда Майтрейя (弥勒, Мироку) выглядит как город с внешними жилыми кварталами и внутренними дворцовыми. Святая же гора, Чистая земля Шакьямуни, предстает как гора-храм, по подобию которой устроена Хиэй.

Из мест японского горного подвижничества как такового в *Хоккэ гэнки* по числу упоминаний первенствуют горы Кумано 熊野 в краю Кии (1–9, 1–11, 1–13, 1–14, 2–44, 2–60, 2–80, 3–86, 3–92, 3–128, 3–129). В Кумано жил отшельник, решившийся на самосожжение (1–9), но в остальных случаях речь идет о странниках на пути в Кумано или оттуда. Они встречаются: бессмертного (1–11); мертвеца, читающего сутру (1–13); ядовитого змея (1–14); небесного отрока (3–92); женщину, которая из-за любовной страсти превратится в змею (3–129); в Кумано отшельник, ставший бессмертным, видится с давними товарищами по учебе (2–44). В середине XI в. еще не устоялся обычай путешествий в Кумано отрешившихся государей с большими свитами [Moerman 1997], но похоже, что этот горный край непременно посещают монахи, когда пускаются в долгое и опасное паломничество, причем в Кумано – самая дальняя точка их маршрута.

На втором месте по частоте упоминания – горы Митакэ 金峰, они же Кимпусэн (1–11, 2–44, 2–49, 2–56, 2–60, 2–80, 3–92, 3–93). Они, как и горы Ёсино 吉野 (1–10, 1–11, 1–35, 2–44), лежат на том пути, что ведет на юг от столицы и города Нара к Кумано, их тоже проходят паломники (и порой сбиваются с дороги, как в рассказах 1–11 и 3–92), но в этих горах чаще поселяются надолго. Герой рассказа 2–49 в Митакэ «читал “Цветок Закона”, вершил трудные дела, мучительные дела. Вначале демоны и боги являли ему свои страшные образы, пытались ввести отшельника в смятение, но он не убоился. Потом они

стали приносить плоды и овощи ему в дар. И так же – медведи, лисицы, ядовитые змеи». В Митакэ обретает бессмертие отшельник из рассказа 2–44, там же живет монах, бывший в прошлой жизни змеей в краю Харима, из рассказа 3–93. В Ёсино сутра являет чудо: рыбы, припасенные для больного монаха, на время превращаются в свитки (1–10); здесь обитает бессмертный, на все вопросы гостя отвечающий цитами из сутры (1–11).

Горы Кумано, Митакэ и Ёсино для повествователя в *Хоккэ гэнки* уже знамениты и не нуждаются в подробных описаниях. Иначе обстоит дело с третьим по числу упоминаний местом отшельничества – Атаго 愛太子 или 愛宕護 к северо-западу от столицы (1–16, 1–21, 1–34, 1–39, 2–66, 2–55, 2–56). На Атаго подняться нетрудно, видимо, это место многие не считают «горным» в строгом смысле слова, но достоинства пещер Атаго как места уединения тоже велики. «На горах Атаго издавна пребывают бодхисаттвы Чрево Земли и Нагарджуна¹⁶, приносят пользу всем живым точно так же, как в Тан бодхисаттва Манджушри откликается на молитвы государей в горах Утайшань!» – размышляет герой рассказа 1–16, а читатели книги уже знают из рассказа 1–4, что по горам Утайшань в Китае странствовал Эннин. В другом месте, правда, традиция Утайшань связывается с горами Митакэ, где страннику является индийский царь Удаяна – современник Будды, впервые создавший изображение Просветленного, а затем ставший спутником бодхисаттвы Манджушри (3–92). Герой рассказа 1–34 «поднялся на горы Атаго, научился читать “Сутру о Цветке Закона”. Собирал цветы, готовил благовония, подносил дары Трем Сокровищам¹⁷, носил хворост, таскал воду, служил старым насельникам тех мест. День за днем следовал за учителями и старшими, принял и усвоил письма сутры, ночь за ночью при факеле читал-повторял свитки сутры». Здесь описаны дела обыденные, едва ли «трудные, мучительные» 難行苦行, *нангё: кугё:*, о каких говорится в сутре, но и такой образ жизни – тоже отшельничество.

Есть в Японии и очень страшные горы. В рассказах 3–89 и 3–124 странники посещают местность Татияма 立山 в краю Эттю:. «В тех горах есть адская долина, в дальней широкой горной впадине – сотни,

¹⁶ Кшитигарбха 地藏, Дзидзо:, Нагарджуна 龍樹 и Рю:дзю, здесь, вероятно, выступают как покровители странников и отшельников; Нагарджуна в рассказах 2–53 и 3–83 является в видениях, чтобы ободрить подвижника или ответить на его вопрос.

¹⁷ Будде, Закону и общине.

тысячи горячих источников. Они бьют из глубоких ям. Ямы скрыты под камнями, горячая вода с дикой силой вырывается из-под скал. Видно, как сила водного пара ворочает камни над ямами. Все полно горячего пара, приблизиться и рассмотреть невозможно. В дальнем углу той долины есть огромный огненный столп. Он всегда горит, пышет жаром. Там есть большая гора, зовется вершиной Индры. Там небесный бог Индра собирает служителей тьмы, разбирает и судит добрые и злые дела всех живых. В конце той адской долины есть большой водопад, высотой в несколько сот *дзё* [более 300 м], называют его Чудеснейшим. Вода льется, словно белая ткань» (3–124). Горы Татияма проходит на своем пути чтец сутры, не могущий выучить ее полностью (на сей раз – три главы), но ответ на вопрос, почему, он узнает не в Татияма, а позже (3–89); в Татияма возрождается девушка, за то, что отец зарабатывал ей на жизнь изготовлением статуй будд (то есть, видимо, наживался на чужих благочестивых делах), но ей помогает бодхисаттва Внимающий Звукам, а потом странник передает ее родителям ее просьбу, ради умершей переписывают сутру, и она обретает новое рождение на небе.

Помимо названных горных краев в *Хоккэ гэнки* упомянуты Ооминэ 大峰 недалеко от Ёсино (1–11, 3–92), Сираяма (Хакусан) 白山 в краю Кага (3–89), Куватори 鵜取 (2–47) и Кугами 国上 (2–79, 3–81) в краю Этиго и другие. Подобно тому как названия провинций часто указывают не на место действия, а на происхождение героя, горы порой упоминаются не сами по себе, а в составе имени божества. Какие японские *ками* действуют в *Хоккэ гэнки* и как именно – этот вопрос, на мой взгляд, тоже относится к картине «страны Японии» в книге Тингэна.

Божества *ками*

Цудзимото Синъя применяет к *Хоккэ гэнки* различие трех подходов к вопросу о богах *ками* в японском буддизме: 1) боги «защищают Закон» 護法, *гохо*., помогают подвижникам; 2) боги сами ищут освобождения из круговорота перерождений; 3) в каждом из богов воплощен кто-то из будд или бодхисаттв. Исследователь указывает, что третий подход в книге не просматривается вообще, а что касается первого и второго, то сборник Тингэна не подтверждает давней концепции Тамура Энтё: 田村圓澄 (1917–2013), согласно которой

«защитниками Закона» в основном выступают божества крупных святилищ, близко связанных со столичной знатью, а освобождения ищут местные, «простонародные» божества. В *Хоккэ гэнки*, как показывает Цудзимото, одно и то же божество может выступать и в том, и в другом качестве [Tsujiimoto 2023]. Например, в рассказе 2–80 бог святилища Сумиёси в Нанива, одного из самых чтимых в Японии, – «защитник Закона» и хранитель знаний о нем (правда, на вопрос странника он не отвечает, отсылает к другому божеству), а в рассказе 3–86 тот же Сумиёси слушает чтение сутры и надеется, что оно принесет ему благо.

Традиция чтений сутры для японских богов в книге Тингэна начинается с Сайтё:. Вскоре по возвращении из Китая «он устроил чтения “Сутры о Цветке Закона” в святилище Явата, и из священной палаты явился багряный монашеский плащ, он был поднесен в дар Великому учителю. Раздался голос, он радостно благодарил. Затем чтения “Сутры о Цветке Закона” прошли в святилище Касуга, и там сгустились багряные облака» (1–3). Явата 八幡 здесь – святилище Уса 宇佐 на Кюсю, где почитается бог Хатиман 八幡 – предок японских государей, хранитель мира и покоя в стране; в Касуга 春日 близ города Нара почитают прародителей рода Фудзивара, самого влиятельного среди знатных родов. Для чего Сайтё: читал сутру именно в святилищах, рассказчик не уточняет; традиция такого чтения для него вполне устоялась, внимание привлекает, скорее, то, сколько раз тот или иной странник прочел сутру в том или ином святом месте.

В святилище Хатимана, но уже другом, Ивасимидзу близ столицы, читает сутру монах Ко:дзицу 光日 в рассказе 1–22:

Человек, бывший рядом с ним, во сне увидел, как из священной палаты вышли восемь небесных отроков, поклонились с благодарной радостью, поднесли отшельнику чудесные благовония и цветы, вознесли ему хвалу и в восьмером пустились в пляс. А из священной палаты раздался голос, произнес хвалу:

如是聖者	Так святой отшельник
必定作仏	Непременно станет буддой,
昼夜光明	Днем и ночью его сияние
冥途耀日	Будет озарять Темную дорогу!

«Небесные отроки» появляются и в рассказе 2–70 как посланцы из столичного святилища Камо 賀茂, чтобы вызволить монаха с Темной дороги. Здесь 天童, *тэндо*: (в переводе А. Н. Игнатовича – «дети богов») составляют «свиту/семью» 眷属, *кэндзоку*, божества *ками*, а не индийских богов, как обычно; о том, что такие отроки служат подвижникам сутры, сказано в ней в главе XIV, это место цитируется в рассказах 1–11 и 3–92. Стихотворные величания хранителей сутры в рассказах *Хоккэ гэнки* произносят не только бог Хатиман в Ивасимидзу, но и «небесный отрок» у водопада Тананами 棚波 в краю Танго (3–87), «великие алмазные отроки» 大金剛童, *дайконго:до*:, в горах Кадзураки 葛木山 (3–92), и бодхисаттва Внимающий Звукам в обличье женщины в храме Киёмидзу (3–92). В рассказе 3–103 мирянин является после смерти другу и читает стихи, где вспоминает прежнюю свою жизнь при японском дворе, называя (как принято в придворной поэзии) государев дворец «горой Пэнлай» (蓬萊, Хо:рай, как китайское обиталище бессмертных), а затем сообщает, что ныне возродился в Чистой земле.

Горные божества Японии в *Хоккэ гэнки* обозначаются как «воплощенные» 権現, *гонгэн*; таковы боги Кумано и Государь Хранилища 蔵王, Дзао:, хранитель гор Митакэ. К этой же группе можно, видимо, отнести бога по имени Горный Государь 山王, Санно:, хранителя горы Хиэй; о становлении учения о нем см.: [Карелова 1998]. В рассказе 2–42 монах Ёсё 陽生 (ум. 990 или 993), назначенный главой школы Тэндай (21-м по счету), обращается к Санно: с молитвой-упреком: «Много десятилетий я терпел голод и холод, живя на горе, молился, чтобы хватило мне сил радеть об одном лишь возрождении в краю Высшей Радости, создавал условия, чтобы обрести свидетельство о просветлении-*бодхи*. Помимо этого, мирских надежд я не имел, и потому никогда, ни единым словом, ни единым помыслом не молил о назначении на должность главы Тэндай. Горько мне, что ты, Горный Государь, не поддержал меня!». Санно: здесь (как и Дзао: и другие хранители гор в *Хоккэ гэнки*), выступает как покровитель отшельников, от него ожидается помощь не в получении высокой должности, а наоборот, в том, чтобы избежать назначения.

Боги крупных святилищ Сумиёси 住吉 в Нанива и Мацуноо 松尾 в окрестностях столицы величаются «Великими Светлыми божествами» 大明神, *даймё:дзин*. Рассмотрим рассказы, в которых они появляются.

В рассказе 2–80 монах, не могущий выучить последний, восьмой свиток сутры, решает: «Помолюсь богам и буддам, тогда и узнаю точно, в чем дело!»

И тотчас затворился в святилище Инари, сто дней молился и памятовал, но ответа не было. В храме Хасэ, в горах Митакэ полностью провел по три месяца летнего затворничества, но отклика не получил. Отправился в горы Кумано, сто дней подвижничал там, и во сне ему было указано:

– Моих сил не хватит помочь тебе. Лучше обратись к светлому богу Сумиёси!

Шрамана последовал сказанному в сновидении, отправился в святилище Сумиёси, сто дней молился и совершал обряды – и светлый бог возвестил ему:

– Я этого тоже не знаю. Лучше спроси на великой горе Хоки!

Шрамана пустился в паломничество к великой горе Хоки, все лето усердствовал, и Великий мудрый бодхисаттва во сне возвестил ему:

– Я истолкую твою исконную связь с сутрой. Не сомневайся, а лучше поверь!

Далее бог горы Хо:ки 伯耆, он же Великий мудрый бодхисаттва 大智明菩薩, Дайтимё:-босацу, рассказывает, как этот монах в прошлом рождении был волом, доставил груз риса для подношения в святилище, а в келье поблизости паломник читал сутру, и пока хозяин молился, вол слушал чтение и смог благодаря этому возродиться человеком. Как сам бог Хо:ки связан с сутрой, не говорится, но видимо – из-за того, что и в прошлом ее читали близ горы Хо:ки. Сюжет «цепочки наставников» (герой задает вопрос кому-то из богов, бодхисаттв и др., тот отсылает к другому божеству и т.д.) встречается в собраниях *сэцува*, и одна из его задач – обосновать почитание последнего бога в цепочке (как знающего что-то, что неведомо остальным); видимо, рассказчик *Хоккэ гэнки* гору Хо:ки еще не относит к числу знаменитых, почему и задеиствует подобное обоснование.

В похожей роли выступает Государь Хранилища в рассказе 3–93: сообщает монаху, почему тот не может выучить всю сутру. В этой роли боги *ками* и буддийские почитаемые существа взаимозаменяемы: тем и другим известны прежние рождения героев.

В рассказе 3–86 некий монах видит во сне, как чтеца До:мё: слушают божества:

Во дворе храма и вокруг со всех четырех сторон знатные, почтенные люди собрались во множестве, так что просвета нет. Все, почтительно соединив ладони, сидят, обратившись лицами к храму. А с южной стороны вдалеке раздается голос. Все слушают, а он говорит:

– Государь Хранилища с гор Митакэ, воплощенный бог Кумано, Великий Светлый бог Сумиеси, чтобы послушать «Цветок Закона», прибыли сюда!

До:мё: начинает читать сутру, и бог Сумиёси говорит богу Мацуноо те слова, что я приводила выше: До:мё: – первый среди хранителей сутры в Японии. Бог продолжает:

– Когда слушаешь сутру, отдаляешься от деяний и страданий множества прежних жизней, благие корни укрепляются и растут. Поэтому из дальних мест мы каждую ночь приходим сюда!

Светлый бог Мацуноо отвечивал:

– Все так, все так! Я обитаю поблизости, и, не разбирая дня и ночи, всегда слушаю здесь сутру.

Такую хвалу они возносили и благодарно радовались...

Из богов, не величаемых «воплощенными» и «светлыми», в *Хоккэ гэнки* упомянуты четыре разновидности, соотнесенные с горами, морским побережьем и дорогой. По велению «бога-хозяина земли» 地主の神, *дзинуси-но kami*, на горе Кугами 国上山 в краю Этиго отрок-громовник снова и снова разрушает пагоду; монах Дзинью 神融 (682–767) силой призывает его к порядку, и отрок становится защитником горы (3–81). Боги святилища Касии 香椎 в Тикудзэн покровительствуют мореплаванию и рыбной ловле, в дар им приносят убоину, мирянин нехотя соглашается добыть птиц для праздника, во время охоты погибает, но возрождается в Чистой земле, ибо много лет читал сутру (3–116). На пути в Кумано монах останавливается у статуи придорожного бога 道祖神, *до:со:дзин*. Приношения обветшали, бог стоит одиноко («образ бога есть, а богини нет» 男の形ありいへども、女の形あることなし, *отоко-но катати ари-то издомо, онна-но катати ару кото нас*): как и позднее, в это время, видимо, *до:со:дзин* изображаются парой, в образах старика и старухи. Монах помогает богу избавиться от тягостной и грешной службы – помогать «странствующим моровым богам» 行疫神, *гё:экидзин*, провожать

их по дорогам к людскому жилью. В итоге придорожный бог отбывает по морю на остров Поталака 補陀落山, Фудараку, к бодхисаттве Внимающему Звукам. Важно, что, судя по заглавию, герой этого рассказа – «придорожный бог в уезде Минабэ в краю Кии», а не монах; бог не просто выступает объектом заботы, но деятельно ищет освобождения.

О богах *ками* вообще, их природе, их связи с Законом Будды в *Хоккэ гэнки* речи нет, в отличие от сборников поучительных рассказов XIII в. Но любопытно, что здесь цитируются хорошо известные слова из *Дао дэ цзин* 道德經 (4) – 和光同塵, *вако: до:дзин*, «смягчить свет, сравняться с пылью»: в синтоистских трактатах и других текстах о богах ими нередко обозначается воплощение будд и бодхисаттв в японских *ками*. Но в сборнике Тингэна эти слова относятся не к божеству, а к человеку: монаху, который стал вором, чтобы читать «Лотосовую сутру» в тюрьме для узников (1–22). Вероятно, *Дао дэ цзин* в этом контексте цитируется не напрямую, а через посредство одного из основополагающих трактатов школы Тяньтай – «Махаянского прекращения неведения и постижения сути» 摩訶止觀, кит. *Мохэ чжигуань*, яп. *Мака сикан*, ТСД 46, № 1911, 80а). В трактате, как и в рассказе, цитата *вако: до:дзин* описывает поведение бодхисаттвы или божества, принявшего облик существа из дурных миров (например, человека, грешника) ради милосердной заботы о тех, кто страдает.

Заключение

В *Хоккэ гэнки* Сайтё перед смертью дает наказ ученикам: «Каждый день непременно читайте “Сутру о Цветке Закона”, изучайте-осваивайте все верные учения, будьте усердны в сосредоточении сидя, навсегда сохраните здесь Закон! Это затем, чтобы воздать за милость властям нашей державы (国家, *кокка*), чтобы переправить всех живых на тот берег» (1–3). Повествователь на протяжении книги сохраняет этот двойственный взгляд: дела его героев значимы для всего мира – и для страны, где им довелось родиться по закону воздаяния. Прямая оценка страны Японии с буддийской точки зрения звучит только в предисловии Тингэна: «По счастью, я родился в пределах, где процветает Чудесный Закон, довелось мне слушать тех, кто обрел пользу от его чудесных сил». Условия для подвижничества здесь хороши, но что это значит: что оно легко – или трудно, как предсказано в сутре?

На мой взгляд, условия в книге Тингэна показаны прежде всего как разные, подходящие для разных людей.

Хоккэ гэнки не прослеживает какого-либо маршрута паломничества по землям Японии, связанного с «Лотосовой сутрой». Скорее, здесь решается задача связать с сутрой знаменитые храмы, святилища, места горного подвижничества по всей стране, и если в этот ряд попадают места почитания богов *ками* – тем лучше.

В большинстве работ по истории хэйанской Японии, ее религий и литературы отмечается сокращение кругозора – постепенно в поле зрения повествователей попадает все меньшее число мест за пределами столичной округи. *Хоккэ гэнки* лишь отчасти подтверждает эту точку зрения: кругозор здесь и в самом деле не так широк, как в *Нихон рё-ики*, – но неширок он и по сравнению с *Кондзяку*, где карта страны гораздо плотнее заполнена историями чудес и прочих примечательных событий. В сборнике Тингэна линии на этой же условной карте, к которым тяготеют рассказы, – это прежде всего линии связей между общинами почитателей «Лотосовой сутры», большими и малыми, и линии паломнических путей. На мой взгляд, это позволяет говорить не столько об узости взгляда, сколько о его более точной направленности; в сочетании с другими текстами традиции *сэцува* он может дать достаточно широкую панораму Японии эпохи Хэйан.

Библиографический список

Бабкова М. В., Трубникова Н. Н. (2024). Место действия рассказов «Кондзяку»: провинции Японии, их уроженцы, наместники и гости. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 1, 5–17.

Карелова Л. Б. Синто-буддийский синкретизм XIII–XV вв. *Буддийская философия в средневековой Японии*. Москва: Ладомир, 1998. С. 241–260.

Мещеряков А. Н. (1984). *Японские легенды о чудесах*. Москва: Наука.

Мещеряков А. Н. (2012). Размер имеет значение: Эволюция понятия «островная страна» в японской культуре. *Вопросы философии*, 8, 72–84.

Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеемлющая Мудрость (1998). Изд. подгот. А. Н. Игнатович. Москва: Ладомир.

Трубникова Н. Н. (2006). «Заповеди бодхисаттвы» и буддийская община в учении Сайтё: (к публикации трактата «Кэнкай-рон»). *Сайтё*. Из «Рассуждения, проясняющего заповеди» («Кэнкай-рон», 820 г.). *Историко-философский ежегодник '2006*. Москва: Наука. С. 359–397.

References

Babkova, M. V. & Trubnikova, N. N. (2024). Mesto deistviya rasskazov “Kondzyaku”: provintsii Yaponii, ikh urozhentsy, namestniki i gosti [Places of Action in *Konjaku-monogatari-shū*: The Provinces of Japan, Their Natives, Governors, and Guests]. *Humanities Research in the Russian Far East*, 1, 5–17. (In Russian).

Deal, W. Ed. (1993). The Lotus Sūtra and the Rhetoric of Legitimization in Eleventh-Century Japanese Buddhism. *Japanese Journal of Religious Studies*, 20 (4), 261–295.

Grapard, A. G. (1986). Lotus in the Mountain, Mountain in the Lotus: Rokugo Kaizan Nimmon Daibosatsu Hongi. *Monumenta Nipponica*, 41/1, 21–50.

Karelova, L. B. (1998) Sinto-buddiiskii sinkretizm XIII–XV vv. [Shinto-Buddhist Syncretism of the 13th – 15th centuries]. In *Buddiiskaya filosofiya v srednevekovoi Yaponii* [Buddhist Philosophy in Medieval Japan] (pp. 241–260). Moscow: Lodomir. (In Russian).

Kikuchi, H. (2014). Ōjōden, the Hokke Genki, and Mountain Practices of Devotees of the Sūtra, *Japanese Journal of Religious Studies*, 41/1, 65–82.

Meshcheryakov, A. N. (1984). *Yaponskie legendy o chudesakh* [Japanese Miraculous Tales]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2012). Razmer imeet znachenie: evolyutsiya ponyatiya “ostrovnaya strana” v yaponskoi kul’ture [Size Does Matter. The Evolution of the Concept of Island Nation in Japanese Culture]. *Voprosy filosofii*, 8, 72–84. (In Russian).

Moerman, D. (1997). The Ideology of Landscape and the Theater of State: Insei Pilgrimage to Kumano (1090–1220). *Japanese Journal of Religious Studies*, 24/3–4, 347–374

Ōjōden. *Hokke genki*. (1995). Inoue, M., Oosone, S. (eds.). Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Rhodes, R. F. (1987). The Kaihogyo Practice of Mt. Hiei. *Japanese Journal of Religious Studies*, 14/2–3, 185–202.

Sūtra o beschislennykh znacheniyakh. Sūtra o Tsvetke Lotosa Chudesnoi Dkharmy. Sūtra o postizhenii deyanii i Dkharmy bodkhisattvy Vseob'emlyushchaya Mudrost' [Lotus Sūtra With Introductory and Concluding Sūtras]. (1998). Ignatovich, A. N., Trans. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Tanabe, G. J. & Tanabe, W. J. (1989). *The Lotus Sūtra in Japanese Culture*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Teiser, S. F. & Stone, J. I. (2009). *Readings of the Lotus Sūtra*. New York: Columbia University Press.

Trubnikova, N. N. (2006). “Zapovedi bodkhisattvy” i buddiiskaya obshchina v uchenii Saicho (k publikatsii traktata “Kenkai-ron”. Saichō. Iz “Rassuzhdeniya, proyasnyayushchego zapovedi” (“Kenkai-ron”, 820) [The Bodhisattva’s Precepts and the Buddhist Monastic Order by Saicho. Saicho. Treatise for Revealing of Precepts (Kenkairon, 820)]. Fragments (transl. by N. N. Trubnikova)]. In *Istoriko-filosofskii yezhegodnik’2006* (pp. 359–397). Moscow: Nauka. (In Russian).

Tsujimoto, S. (2023). Syncretization of Shinto With Buddhism in “Hokekyo genki”. *Journal of Indian and Buddhist Studies*, 71/3, 1140–1144.